

1. НА ДАЧЕ

Р. Ц-р.

Хоть вечер всё же в полночь переходит,
Но летом он ленивей во сто крат:
То взглядом медленным и дом, и двор обводит,
То в сад бредёт, задумчив, вдоль оград.
В лиловых сумерках – неспешная работа:
Тут – золотит, тут – чернью кроет пруд;
И мир сейчас так тих, смиренен, кроток:
Все ждут звезду, что первой здесь зажгут.
Теням лишь нэвтерпь – всё бегут быстрее
От всё быстрее гаснущей зари,
Покуда тень от телеграфной реи –
Как тень креста – их бег не усмирит.
...Но мига чудного не ўзрит взгляд нескромный:
Нет, не звезда – зажётся звёздный свод,
И тени вечера вдруг сходятся в огромный
Театр теней – куда свободен вход!
Сдвигаются кулисы, темень тянет
Луну на привязи заоблачной тропой,
И лес вот-вот у рампы дачной встанет –
Принять участие в драме роковой!
Всё кончится всеобщим погруженьем
В последнем акте в inferнальный мрак –
И нет почти надежд на пробужденье,
И век ночных – не приподнять никак.
Стоят дубы, задумавшись как боги
Над судьбами берёз и пышнокудрых лип,
И вязов тех, что дремлют у дороги, –
Чей слышен и сюда извечно-дряхлый скрип.
Туманны – думы, неподъёмны – плечи;
И правда здешняя – чужда людской молве.
Едва чуть теплятся бледно-зелёным свечи:
Лукавы светлячки – и гаснут вдруг в листве.
Доверься им – и ты погиб навеки,
И никакой суфлер тут не спасёт:
Смешает даль привычных реплик вежи –
И занавес бесшумно упадёт.
И тут уж вовсе станет непонятно –
Что там горит: фонарь, светляк, луна?
Тьма ест глаза, и речь огня невятна:
Как речь спросонья – так же неясна.
...На дачи сон нисходит отпущеньем
Июльских, мелких, сладостных грехов,
Но дышит ночь языческим сомненьем –
Над вечной истиной насиженных углов.

Ну что ей вера в высший смысл творенья?
Бормочет, знай, речонкою впотьмах
И глубже, глубже прячет откровенье –
Зелёной вспышки в пышных лопухах...

2. НАИЗУСТЬ

Пусть в кувшинках тяжёлых и жёлтых
Будут тлеть, отсырев, фитили...
Под дождём и пронице стрижонку
Не угнаться за краем земли.
Но едва лишь осокою ржавой
Сухо срежется промелька тень,
Он стрельнёт вдруг куда-то направо –
Чёрной пулей в сердца деревень!
Где уж тут уследить за полётом –
Сквозь машинную строчку дождя,
За ближайшим опять поворотом
В подмосковную скуку уйдя?
И почувствовав: колет в затылке,
Вспоминай этот день наизусть –
В быстром холоде мятной пастилки
Растворяя налипшую грусть...

3. В ЭЛЕКТРИЧКЕ (PRO ET CONTRA)

1.

Червей десяткой бит валет;
Вагонный воздух, как резина, плотен;
Компостер щёлкает проворней кастаньет,
И контролёр от вежливости потен.
Охотник нежит спящее ружьё;
Грибник с надеждой, дачный завсегдатай –
Все предвкушают сладкое житьё
Среди берёз с осенней бабьей статью.
Однако Божий мир – божественно жесток,
И, слава Богу! – хоть куда-то едем...
И пусть у каждого билетик есть – исток
Пути его, но где же, братцы, слезем?
И все ли бабы на Руси – в обхват?
И та, чернявая, с чего б – с такую рожей?
Весь мир, похоже, – гад! – пред нею виноват:
Такой сосуд любви
– и сплошь! – в змеиной коже...
Но кто там за окном промчался на метле?
Пусть злобный дух-закат вагонную обитель
Всё жаждет сжечь! Увы, томясь во зле, –

Лишь только давит клюкву на стекле...

А жизнь всё мчится вдаль

– безмерно ядовитей...

Былин отеческих коварней – крик ворон

Пророчествует вслед – по-русски запоздало...

Но поезд наглым глазом поворот –

Во прах поверженным предписывает шпалам...

Куда летишь, вагончик вечных грёз?

Что встретит нас на станции конечной?

Стучит колёсный бег и в головах – вопрос:

Что делать нам с сей жизнью быстротечной?

Но нет ответа... Всё вокруг – молчит...

Ужасно быстро пролетело лето!

Вот так и жизнь – и жизнь вся пролетит...

Сожрёт и нас, резвясь, речонка Лета...

2.

Не наживёшь священный геморрой

В сумбурном, грешном, тамбурном мажоре –

Не так ли на одной ноге и Ной

Стоял в ковчеге, вглядываясь в море?

И лишь в пророчествах дорожной болтовни –

Единственная ноева опора,

Покуда в откровение равнин

Несёт ковчег российская рессора.

Покуда теплится и в нас

Дух противленья, дух лукавый,

И жизни льётся луч из полузрячих глаз,

Всё – слава Богу, слава Богу, право!

...Святая Русь субботних поездов,

Перемывая кости, косточки, костяшки,

Шумит толпой вольнолюбивых слов –

И не боится бодрой перепашки!

ПРОСТЫЕ СТИХИ

Льву Рыжову

Как крапива, прижавшись ко храму,

верно, чует его благодать, –

так и я вновь к нему спозаранок

всей душой припадаю опять.

Не был здесь я давно, а берёзы

как и встарь, у могил шелестят,

и июля дождливые слёзы

всё кресты их кропят и кропят;

голубеет небесная синька

на щербатой известке стенной –

чтобы колокол тренькал да тринькал

в тишине здесь – уже неземной,

чтобы плыл в облаках этих белых

над главою смиренной крест

и стоял бы средь изб опустелых

храм – хранитель блаженных сих мест...

КОРАБЛИК

Вспомню: косят в июле, и дождик – напасть!

Я ведь тоже по лужам бегал мальчиком

вслась,

я пускал корабли из обрывков газет,
а они уплывали навеки в ответ;

уносилась словесной трухи их тоска –
до корявой реки, до скупого леска:

только даже и к ним веселей всё же плыть,
чем паршивым листком жизнь

в сортире дожить –

там, где ветер свистит средь

картофельных гряд

и на гвоздике мёртвые строчки висят...

То ли дело – на воле поднять паруса:

пусть до ржавой реки, омывающей сад,

пусть и ближе – до чахлой канавы в саду
(в ней сапог догнивает – у всех на виду),

там, где рядом скамейка в коросте белил
(дождь давно их проел –

но не полностью смыл),

где гусиная травка приятна ноге,

где гремят якоря – и скрывается брег,

где сияет и остров сокровищ, и рай:

– Поднимай же, брат, грот!

И марсель поднимай!

Даже в этой вот луже – и то веселей:

бьют крылом паруса средь прекрасных морей;

орудийный бы залп да кровавый бы пир,

гибнуть чтобы – лишь так полюбив этот мир!

В голубой глубине, там, где небо на дне,

он чудесней вдвойне и гораздо видней –

где вдруг облако вспыхнет, как ядерный зонт...

Ах, прощайте, прощайте, зовёт горизонт!

Поплыву я бумажным корабликом вдаль –

ничего здесь не нужно, ничего здесь не жаль;

поплыву, поплыву – и навряд ли вернусь:

ах, прощай же, печаль,

ах, прощай, моя грусть...